

Жемчужина

Автор:

Андрей Сметанкин

Жемчужина

Андрей Сметанкин

Эта книга в равной степени рассказывает о нас самих и нашей современности, которую мы творим своими мыслями, словами и поступками и в которой живём. Иначе говоря, какие мы сами, в таком мире и живём. Он ни плохой и ни хороший, ни подлый и ни благородный, ни высокий и ни низменный, а такой, какой есть. Бог создал человека из праха земного, а мы сей мир человеческих условностей и отношений создали из праха своих амбиций и непомерных желаний, из жадности и зависти, предубеждения и предвзятости.

Жемчужина

Андрей Сметанкин

© Андрей Сметанкин, 2021

ISBN 978-5-0053-6177-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ СКАЗОЧНЫЕ СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

(книга первая)

Слово к читателю

Здравствуй, мой добрый друг-читатель: мир дому твоему!

Сегодня ты держишь в руках мою четвёртую книгу. Три первые уже состоялись. Это книги: «Чудеса священного месяца Рамазан» (литературные легенды), «Азъ есмь пиит (Я – поэт)» (стихи) и «Душанбинские картинки» (стихи). Новая же книга представляет собой цикл «не сказочных сказок для взрослых и детей».

Ты можешь спросить, о чём эта книга, автор? Если честно, как не смешно это звучит, не знаю! Думаю, в этом предстоит разобраться тебе самому. Для этого необходимо немного – лишь прочитать эту книгу от корки и до корки. Для этого необходимо немного – лишь знать собственные слова и поступки. Помнишь: «пусть тот бросит в неё камень, кто сам безгрешен». Так что не торопись ни ругать, ни хвалить мой очередной труд, а только подумай и поработай «над собственными ошибками», пропустив эту книгу через себя такой, какая она есть. Ни плохая и ни хорошая, ни лживая и ни настоящая, ни скверная и ни возвышенная, но обыкновенная и сложная, как сама жизнь.

Не спорю, здесь есть изъяны, надуманности и упущения. Не скрою, здесь есть открытия, озарения и предвидения. Полагаю, в букете своём всё это ничуть не мешает рассказать о той тревоге, о той боли, которые нынче живут в сердце моём. Искренно надеюсь, подобная тревога и боль живут и в твоём горячем и отзывчивом сердце, мой добрый друг-читатель. Вместе с тобой, я болею и тревожусь за наш мир, за тебя и себя – за то, какие мы на самом деле, и о том, что может после случиться с нами и нашими детьми. Вот обо всём этом, как вижу и представляю сам, и рассказывает моя новая книга.

Я не считаю себя ни пророком, ни нудным ментором. Только скромным трудом своим стараюсь разобраться в нашей действительности, доверяя тебе свои чаяния и сомнения.

Желаю тебе здоровья и счастья, здоровья и счастья желаю твоим родным людям, близким и знакомым. Желаю тебе прекрасных и благородных слов и поступков, чтобы без страха и упрёка смотреть в глаза современности и будущих поколений.

Андрей Сметанкин,

Республика Таджикистан, город Душанбе,

30 августа 2009 года.

ЧЁРНАЯ КНИГА

Смерть летела над городом, в руках держала чёрную книгу, где были записаны человеческие судьбы, и хозяйским глазом осматривала городские окрестности. Город проснулся и был похож на цыплёнка, который только выбрался из скорлупы. Смерть пролетала город, как на одну из улиц выскочил маленький кривой человек.

Тот прищурился, ехидно посмотрел на рассвет, погрозил ему кулаком и, сделав непристойное движение, помочился в сторону буравившегося восхода. Довольный собой от содеянного проступка человек хотел нырнуть назад в тёмную сырую щель проулка, как рядом с карликом что-то глухо ударилось о землю. Карлик оглянулся и увидел на булыжной мостовой большую книгу, в чёрном кожаном переплёте. Человек поднял её, пытаясь понять, что это, как руки его задрожали от нетерпения и любопытства. На обложке книги вдруг загорелись буквы, и они сложились в слова.

«Чёрная книга человеческих судеб», – прочитал карлик со страхом, и холод пронзил все его члены, но раздираемое душу тайное тщеславие побудило человека открыть эту загадочную книгу.

Человек открыл первую страницу, и на ней проявились огненные слова: «Если земной человек станет обладателем этой Великой книги, то обретёт бессмертие, получит безраздельную власть над миром и станет первым богачом во Вселенной».

Затем возник и вскоре пропал короткий текст. Карлик не успел вникнуть в суть его содержания, но это его не смутило – он заторопился проверить на живом человеческом примере те знания, которые открылись ему.

В книге же говорилось о том, кому, где и как суждено умереть. Также говорилось о том, что если обладатель этой книги сживёт со свету кого-нибудь раньше предначертанного срока, то блаженство неслыханного счастья и отрезок оставшейся жизни тотчас перейдёт от умершего человека к владельцу тайны.

Тут карлик не заставил себя долго ждать. Ему явственно представилось, как старый и вечно больной художник Тиц каждое утро пытается собрать все краски рассвета и перенести их на холст. Если всё будет сделано правильно, с учётом всех цветов, тонов и полутонов, то картина, как верит художник, оживёт, одухотворённая силою его таланта, и от картины пойдут токи здоровья и силы, которые излечат старое и больное тело мастера. Но то ли Тиц был настолько хилым и дряхлым, то ли сам земной рассвет был столь неуловим, что сговориться им не удавалось – ни художнику, ни природному явлению.

Вспомнил карлик об этом и поспешил навстречу своих злобных и ужасных открытий.

Тиц и в это утро, как повелось за ним издавна, стоял на мосту. Нетронутые краски и холст поражали своей искренностью и романтичностью чистоты.

Старый художник давно и тяжело болел чахоткой и поэтому, как чудесного избавления, ждал свой счастливый рассвет – это было его откровением свыше. В своих не нарисованных картинах старый художник видел, как нетронутые краски распускаются цветами, приветствуя счастливый восход, как из цветов вырастают красные кони и пьют росу, по росе плывёт белый корабль счастья, и само солнце заплетает в косы золоченые гривы рассвета.

Художник пытался написать этот рассвет, но природный рассвет каждый раз был новым и неизвестным. Краски, которые были свежими и удачными вчера, сегодня устаревали и никуда не годились. Тиц улыбался, убирал кисти и холст и просто любовался живыми красками природы. Разве можно нарисовать мечту, если она чиста и прозрачна, как колодезная вода? Разве можно нарисовать солнце, если оно само совершенство? Им можно только любоваться и восхищаться, а пока ты любишь и восхищаешься, то живёшь и мечтаешь

о чуде.

Злобный карлик уже знал, что ему следует делать. В Чёрной книге значилось: «Маляр и мечтатель Тиц ... 17 мая...» И выходило, что этому горе-художнику, неудачнику и прожигателю жизни, как думал карлик и развивал свою мысль, предстояли ещё целые три недели пустого стояния на мосту. А это, как успел подсчитать человечек, непростительно потерянный двадцать один день. Больной и бесславный художник давно уже не достоин того, чтобы любоваться своим «глупым восходом». Эти три недели, так подумал рассерженный карлик, слишком дорогой подарок для такого посредственного человека, как Тиц. Карлик этого не потерпит, когда на счету каждая крошка чужой жизни. Как говорится, «каждую крошку – в ладошку, и не одну – мимо рта!»

Тиц и так задержался на этом свете. Пора помочь старику избавиться от тягот жизненной ноши. Тем более, никто не заметит и не хватится искать этого тщедушного бедолагу.

По дороге к мосту, где обычно стоял художник со своим девственным холстом, карлик подобрал большой придорожный камень и спрятал его за пазухой.

Тиц чутко дремал, опираясь на перила решётки моста, и ждал прекрасный час своего неуловимого рассвета, держа в руках забытую кисточку. Карлик бесцеремонно растолкал художника.

«Ты всё спишь?» – язвительно спросил карлик.

«Я мечтаю», – простодушно ответил художник, а забытая кисточка тихо задрожала в его руках.

«Ну да, – подхватил карлик, – каждый мечтает о том, чего никогда не будет!»

«Ты что-то сказал, карлик?» – спросил художник и встрепенулся, возвращаясь из собственного сна в реальный мир людей и событий, а кисточка задрожала ещё сильнее.

«Да, я сказал, что тебе осталось жить только три недели! – с бешенством прокричал карлик, ибо искренно уверовал в то, что перестанут называть его

жалким карликом, а со страхом и почтением начнут обращаться к нему: „Ваше Превосходительство“. – Ты скоро умрёшь!»

«Не может быть... – огорчился художник и спросил: – А ты откуда знаешь, карлик?» – и кисточка задрожала так, будто решила превратиться в бабочку и улететь прочь от этого ужасного места.

«А ты загляни, маратель, в эту книгу! – закричал злой человечек прямо в ухо бедному старику. – Ну, что там написано, старая развалина? – и приказал: – Читай вслух!»

«„Маляр и мечтатель Тиц ... 17 мая ...“ – ничего не понимаю, и мои глаза болят, и в ушах стреляет...» – заплакал вдруг художник беспомощным ребёнком, и кисточка выпала из рук...

«А тебе не надо понимать, недоучка! – прокричал карлик и нетерпеливо потребовал: – Делай то, что написано в книге!» – и лицо человечка исказилось в злой нетерпеливой гримасе.

«Позволь, но я ещё не написал свой рассвет!» – попробовал возразить Тиц и наклонился за кисточкой.

«А меня это мало волнует... – карлик не скрывал своего раздражения. – Ты никогда его не нарисуешь, маляр!»

«Но почему?» – возмутился художник и поднял кисточку с земли.

«Потому, что ты – бездарен: надо честно смотреть правде в глаза!» – заявил карлик.

Тиц было вспыхнул, но успокоился. К чему сотрясать воздух кулаками, когда вся жизнь позади, а ты так и не написал ни одной картины. Действительно, бездарь и неудачник... Художник выпрямился и стал смотреть, как дрожат его руки.

Старый художник на время задумался.

«Хорошо, – сказал он, – я согласен с тобой. Только позволь мне с первыми лучами солнца сделать несколько мазков. Надеюсь, за эти годы я не разучился держать в руках ни себя, ни мольберт, ни кисти!» – сказал Тиц и последним усилием воли заставил кисточку не дрожать в своих руках.

«Ладно, валяй, пустой маратель жизни...» – великодушно разрешил карлик, повернулся к востоку спиной и стал ковыряться пальцем в носу.

Прошла минута-другая, и весь восток вдруг взорвался красками, как спелый гранат. Алый сок небес брызнул на землю, на мост – на Тица и карлика. Карлик возмутился и спрятался в тень, а художник обмакнул кисточку в живую краску рассвета и коснулся холста.

И тут случилось чудо. Стоило Тицу коснуться холста, как старик одним движением написал гениальную картину – первую и единственную в своей жизни. Торжественный восход из картины брызнул на мир живительными лучами. Они, как кинжалы, вспороли брюхо осевшей ночи, и по востоку разлилась кровь. А земля пробудилась и вострепетала, как обнажённая девичья грудь под рукой возлюбленного юноши-солнца. Отныне два восхода царили в природе земли: один – на небосводе, другой – на холсте, и оба не уступали друг другу по силе и красоте. Трудно было сказать, какой из них краше.

Волшебные отблески написанного восхода задрожали в старой душе художника, и она помолодела. А следом за ней помолодели руки – им вернулась твёрдость, а прежняя молодая зоркость вернулась глазам.

«Случилось! – закричал счастливый художник. – Я знал, что это случится!»

Он повернулся спиной, чтобы положить кисть и мольберт, как человек ударил камнем из-за пазухи по затылку чудесного художника. Тот, охнув, упал на перила, и карлик сбросил его с моста. Если человеку были обещаны три лишние недели чужой жизни, то он их не упустит. Пусть всё будет по правилам – как написано в Великой книге.

Когда бездыханное тело художника поглотили тёмные воды реки, то они вдруг окрасились густой киноварью, и на чёрной поверхности вод раскрылся прекрасный розовый лотос.

Карлик свесился с перил, жалея, что не может дотянуться и сорвать этот чудесный цветок, а затем растоптать его своими грязными ногами.

Внезапно он почувствовал, каждой клеткой своего жалкого существа, как три недели, непрожитые Тицом, влились в грязный горшок его сути, как крепкое вино из старинной бутылки.

Человечек собрался уходить, но сверху возле него упал какой-то кожаный мешочек, и в нём зазвенел металл. Карлик наклонился и подобрал мешочек. Открыл его и не сдержал своей радости. Мешочек, под самую завязку, был туго набит золотыми монетами.

Сбоку на нитке болталась бирка. На ней было написано: «Это плата за маляра и мечтателя».

Человечек быстро смекнул, в чём дело, удостоверившись в правоте речений страшной книги, обладателем которой нечаянно стал. Значит, весь мир сейчас у ног его лежит, как побитый покорный пёс, и молит о пощаде, а он, карлик... нет, не так, но Ваше Светлое Превосходительство, стоит на вершине власти и определяет, кто достоин жизни, а кто...

Чувство сытости и довольства разлилось по всему нескладному существу карлика. Человечек решил не довольствоваться достигнутым результатом и наскоро перелистал книгу. Перелистал и, к превеликой радости своей, нашёл, что Леона Гу, милая и прекрасная девушка, с пышной короной золотых волос, белолицая и... слепая, которую любило это тщедушное существо, через месяц должна умереть от рака матки. Не теряя попусту ни минуты, человечек поспешил к дому любимой Леоны – не за объяснением в любви, но по душу девушки, в буквальном смысле слова. По дороге он зашёл в аптеку и купил мешочек мышьяка. Травить мышей, как пояснил он аптекарю.

Слепая девушка встретила карлика у порога, радостно и счастливо улыбаясь, и провела в свой скромный, но светлый, тёплый и уютный дом. Карлику нравилось здесь бывать, ласкать невинную несчастную душу, которая, по слепоте своей, видела в нём своего помощника и заступника. Может быть, она осознавала его физическое несовершенство – слепые люди обладают даром внутреннего видения, – но продолжала искренно любить человечка таким, каким он был, по сути земной. Вероятно, она искренно полагала, что теплотой

и лаской, хотя бы духовно излечит и облагородит своего возлюбленного?

Леона, хоть и слепая, умела прекрасно готовить, чисто стирать и шить прекрасные одежды, а человечек был убеждён, что ему повезло, когда он впервые встретил такую чистую девушку, и ценил её пуще собственной жизни...

Вот они прошли в комнату, девушка наклонилась, ласково и нежно обняла своего любимого и поцеловала его сухие сжатые губы. Человечек уже хотел отказаться от своего замысла, ибо увидел Леону другими глазами. В лучах заходящего солнца он увидел её в образе живой росинки на трепетных листьях цветка любви. Она была росинкой на губах замершего времени. И он должен осушить эту росинку? Как?! Почему?! Ведь он любит её! Она любит его!!!

В Леоне, как в волшебном сосуде, слились воедино все восходы и закаты, что были в этом мире со дня его сотворения, все вёсны и зимы, все поля и реки, леса и пустыни, горы и моря. Это была единственная неповторимая жемчужина. Только через месяц суждено ей погаснуть, затеряться под ногами бытия на прибрежном песке жизни, и никто не вспомнит о ней.

От таких мыслей он выскочил вон и остановился на улице за порогом дома Леоны. Человечек раздосадовано сплюнул себе под ноги и хотел бросить туда же мешочек с отравой. Ему стало стыдно своих помыслов, он повернулся, чтобы вернуться в своё мрачное жилище, пролить слёзы раскаяния по убиенной душе художника Тиц и сжечь в печи эту чёртову книгу...

«Но месяц лишней жизни?! – горячо зашептал человечку его внутренний голос. – Неужели ты упустишь такой случай продлить собственную жизнь на целый месяц?»

«Я люблю её и ценю и ценю больше собственной жизни!!!» – сопротивлялся человечек.

«Разве истинно это, мой друг? – говорил внутренний голос и убеждал: – Глупый, обладая безграничной властью над людьми с помощью этой книги, ты встретишь девушек и женщин, куда лучше, чем твоя замарашка Леона».

«Но я люблю её», – колебался человечек.

«Глупый, многие женщины мира, самые богатые, уважаемые и красивые, сочтут за честь и великое счастье своей жизни целовать твои гадкие губы! – цинично заявлял голос. – Весь мир станет целовать следы твоих ног!»

«Я люблю её?!» – сомневался уже человечек и под конец этой пытки откровенно заявил: – Ведь это предательство!»

«Нет, – отвечал голос и саркастически смеялся, – это не предательство, а всего лишь замена иллюзии любви реальностью беспредельной и неограниченной власти. Если человек хочет стать богом, то, прежде всего, должен отречься от земной пыли, которая тянет его вниз – надо стряхнуть людскую пыль со своих ног, чтобы идти дальше и выше, ибо привязанность к власти, сильнее и прочнее, чем привязанность к вере или к человеку».

«Она любит меня...» – предпринял человечек последнюю попытку.

«Ха, „любит“! Да потому, что слепа. Но будь она зрячей, то увидела бы твоё уродство и плюнула бы тебе в лицо!» – ответил голос.

«Ты говоришь правду?» – спрашивал человечек.

«Сомневаешься?!» – удивлялся голос.

«Ты говоришь правду?» – проверял человечек.

«Сомневаешься?!» – снова удивлялся голос.

«Ты...» – начал человечек.

Но внутренний голос его перебил:

«Если сомневаешься, то на всю жизнь оставайся таким уродом и терпи, когда тебя называют карликом, – ответил голос и подытожил: – А если хочешь стать великим человеком, то слушайся меня и иди за мной! Я начинаю считать до трёх, а ты поторопись сделать свой выбор».

«Я не могу так...» – простонал человечек.

«Раз... два...» – внутренний голос начал свой отсчёт.

«Я против... я поду... я согласен! – выдохнул человечек и деловито спросил: – Что делать?»

Разговор между человечком и внутренним голосом длился только одно мгновение, и никто не заметил происшедшей в нём перемены. Тем более Леона не могла об этом знать...

«Ах, милый мой возлюбленный, проходи быстрее, – попросила девушка и встревожилась: – Почему ты убежал и остановился в дверях? Что-то случилось?»

«Ну же, ну! – торопил голос-науститель. – Не медли – делай своё дело, а то упустишь шанс стать властителем мира!»

Вот Леона вышла на балкончик, чтобы полить цветы, высаженные в горшки, – садовые розы. Они, как удивительные цветочные созвездия, поселились здесь с недавних пор – эти цветы, в первые дни знакомства, подарил человечек, – и часто бывало, что какой-то прохожий останавливался и любовался живой красотой цветов, не чувствуя течения времени.

Человечек быстро подбежал к столику, достал свой мешочек, подсыпал яду в чашку своей любимой, налил чаю и поднёс ничего не подозревающей Леоне.

«Выпей чаю, дорогая, – мило улыбнулся человечек и нежно поцеловал протянутую руку девушки. – Я люблю тебя!»

«И я люблю тебя!» – ответила счастливая девушка и выпила предложенный чай...

Вскоре перед ним упало два туго набитых золотом кожаных мешочка, с новой биркой: «Это плата за убиенную слепую девушку».

Следующей оказалась родная мать. Но и её внутренний голос человечка не пожалел ради власти над миром. Надо уметь отряхивать земную пыль со своих ног, если ты собрался стать богом.

Старуха, как вещала Чёрная книга, через три месяца умрёт. Когда старушка будет переходить тихую улочку Сен-Жу, её собьют и затопчут каретные лошади Его Превосходительства господина Рио де Кроля.

Но три месяца просто так на дороге не валяются, и карлик рассказал своей матери о предстоящем несчастном случае на дороге. Старая женщина не стала испытывать свою судьбу, открыла окно и выбросилась вон. Старуха оставила после себя удивительные нежные кружева, которые так любил ласкать человечек своими сухими руками. Кружева, как поминальные снежинки заполонили весь осиротевший дом. А дом помрачнел и одряхлел...

За душу своей матери человечек получил десять килограмм отборного золота... Чем сложнее и ответственнее работа, тем выше гонорар!

Так от чужой души к душе человечек быстро продвигался к своей цели – к бессмертию. Он вошёл во вкус – ему было приятно казнить и миловать людей – ощущать, как чужая жизнь горячими токами разливается по его жилам и чувствовать себя всемогущим богом. Он помолодел и похорошел – значит, внутренний голос не обманул, – и каждый день в его богатом доме толпились самые красивые девушки и шикарные неприступные женщины великосветского общества. Они штурмом брали его запертые двери и требовали, чтобы Их Превосходительство скорее занялось ими. А он большую часть дня проводил в Комнате, которая превратилась в сокровищницу и ломилась от мешочков и мешков, корзин и сундуков с золотом. В эту комнату никто никогда не входил и совершенно не знал об её существовании.

Однажды, когда до цели осталось рукой подать, когда человечек отмечал десятую годовщину своей безраздельной власти, на пороге его дома – вместо привычных и порядком поднадоевших женщин появилась сама Смерть.

«Я пришла за тобой!» – заявила она без приветствия и оскалила зубы.

«Нет, я не хочу так! – испугался человечек. – Как же так? Ведь я бессмертен!!!»

«Ты?! – усмехнулась Смерть. – Случится, и мой срок истечёт на Земле, поскольку и планета исчезнет с лица Вселенной, а ты, земляной червяк, захотел бессмертия! Ты ничем не отличаешься от жалкой мухи, которую может

прихлопнуть любой ребёнок!»

«Но Чёрная книга... Она говорит... – человек пытался объяснить и доказать, что Смерть ошиблась адресом и своей жертвой.

Он так хотел жить, и новая, прекрасная жизнь только начиналась...

«А ты полистай, – предложила Смерть, – открой первую страницу».

Смерть села за празднично убранный стол, выбрала самое большое, красивое и спелое яблоко и надкусила его.

Тут человек открыл книгу, и перед его глазами загорелись слова, на которые он раньше не обратил внимания:

«Человек, имеющий в руках эту книгу и ведающий тайной жизни и смерти, но вместо блага и помощи причиняющий только боль и страдание, самовольно отбирающий чужие души ради собственной выгоды и достатка, сам обрекается на смерть от пресыщения...»

«Нет!!! Не-ее-ет!!! Это не честно! – закричал человек. – Я хочу жи-ии-ить!!!»

«На, возьми – успокойся, а то мой череп болит от твоего крика, карлик! – сказала Смерть, протягивая надкушенное яблоко. – Это твоя заслуженная и достойная награда».

«Нет, нет, не-ее-ет! – задрожал человек, но яблоко принял из рук Смерти и с неописуемым страхом впился в него глазами. – Я не могу... Я не знаю как...»

«Всё ты знаешь... – съязвила Смерть, – иначе сверну тебе шею, как цыплёнку».

«Не надо... Я сам...» – и человек, сломленный и подавленный, надкусил предложенное яблоко...

...Легенда гласит, что после смерти карлика вернулись в свет загубленные им души.

Помолодевший Тиц по-прежнему стоит на мосту, но пишет уже портреты своих счастливых горожан. И среди многочисленных портретов вы найдёте чудесный портрет карлика с добрым и светлым лицом. Ясноокая и прозорливая Леона по-прежнему поливает прекрасные розы на своём маленьком балкончике, восхищая и радуя жителей города, как светлой памятью бывшего жениха. Пожилая мать человечка по-прежнему плетёт удивительные кружева, а с её мастерством не может поспорить и сама природа, и каждый стремится выказать ей дань уважения и признательности. И всякое кружево мастерица целует с любовью и радостью, ощущая на них горячее дыхание своего любимого сына.

И так было с каждым жителем этого города, чью душу с такой жестокостью и жадностью, с таким тщеславием и равнодушием, с таким цинизмом погубил страшный человек.

Они простили его, потому что любили.

ГЕРОЙ

Всю ночь шумел проливной дождь, а утром с первыми лучами зари город принялся наводить порядок, готовясь достойно встретить Героя. Всюду мели и вычищали улицы, устанавливали и развешивали флажки и транспаранты, цветы и праздничные гирлянды. Сам король отлучился от государственных дел и единолично руководил постройкой королевской трибуны. Все были заняты – каждый вносил посильную лепту в предстоящее торжество. И вскоре город убрался в наряды, как невеста на венчанье, а король, отправив нарочных к городским воротам, и пёстрая толпа горожан на центральной площади стали поджидать дорогого гостя.

На город спустилась тишина.

Только ближе к вечеру пеший Герой показался близ городских ворот. Его встретили специально посланные люди. Они, сняв пыльные сапоги и одежду, проводили в римскую баню виновника торжества, одели во все чистое и свежее и со всеми королевскими почестями посадили в позолоченную карету. И тройка белых лошадей повлекла её на центральную площадь.

– Ге-рой! Ге-рой! – кричали торжествующие толпы народа, завидев карету, бежали следом за ней, бросались на неё, чудом избегая колёс, а та нигде не останавливаясь, спешила к центру событий под королевские очи.

Вскоре лошади вынесли карету на площадь, и перестук копыт и колёс по булыжнику затих возле королевской трибуны.

– Ге-рой! Ге-рой! – тысячной глоткой взорвалась площадь и в воздух полетели цветы и птицы, чепчики и деньги; на городских стенах загрохотали пушки; вечернее небо расцветили яркие огни праздничного салюта.

Десятки мощных прожекторов затопили площадь ярким электрическим светом. Она засверкала золочёными и белозубыми улыбками, весёлыми глазами и загудела непрерывным говором раскрепощённых людей. В десяти бочках из королевских винных погребов развозили мадеру, угощая каждого, кто ещё трезво стоял на ногах. За бочками следовало полдюжины возов, гружённых пикантным салатом, солёными грибами, жареной рыбой, окороками и колбасами. Муниципальные власти вкупе с демократическим монархом не пожалели ни времени, ни средств. Через месяц все затраты, как подсчитали государственные эксперты, обернутся большой прибылью в звонкой монете.

Веселись, народ, – люби своих Героев и славь своего короля! Король выпил – да здравствует король! Здравья ему и могущества, аллилуйя!

Несколько юпитеров и осветительных ламп обратились к королевской ложе. Убавив яркость, мягкими лучами скрестились на «выездном» троне. Король улыбнулся, поднялся и подошел к микрофону. Площадь снова огласилась тысячным рёвом толпы.

– Сograждане, моё монаршее величие любит вас! – сказал король и поднял руку, и на площади сразу же воцарилась тишина; из кареты вышел Герой.

Наружности он был самой обыкновенной. Симпатичный, опрятный и скромный.

Он такой милый и доверчивый, как ребёнок, и только мы способны окружить его своей заботой и вниманием, так думали юные, зрелые и старые девы, и каждая щупала его своим оценивающим взглядом. А король – ах, какая душечка! – сам спустился приветствовать Героя. «Серебристые соболя, дорогуша, – говорила

одна из них, – прекрасно смотрятся на мантии из чёрной лисы, скрадывая некоторую полноту самодержца». – «Весь ансамбль представленных моделей составляет, – отвечала ей другая дама, – резкий контраст с зелёно-пятнистой формой Героя и его отменной воинской выправкой». – «Это совсем безобидный мальчик!» – резюмировала третья. И вместе они восхищённо говорили: « Ах, солдатик – лапочка! Но, особенно – король! Ура, король, ура!»

Король уже протягивал руку, чтобы поприветствовать Героя и провести наверх, как почётного гостя, но из толпы вдруг выскочил шустрый мальчуган, державший в руках «моментальное фото» первого Героя республики, желая заполучить автограф: себе – для уважения, другим – на зависть.

У трибуны располагалась специальная грязная лужа для вездесущих городских воробьёв, чтобы те могли вволю напиться и помыться, ибо король всемерно поддерживал партию «зелёных» и того же требовал от своих верноподданных. Помимо всего, своим высоким вниманием он не обходил богадельни и сиротские приюты – словом, прогрессивный монарх!

Так вот, торопясь стать везунчиком и получить желаемую подпись, мальчишка со всего маху наступил на лужу. Ба-бах! – взрыв воды и грязи: брызги во все стороны.

Господи, что случилось с королевской мантией?! Бедный король! Ах, негодный мальчишка, – как ты посмел оскорбить его Величество! Наказать его, ату его, ату! – заколыхалась толпа.

Герой стоял в стороне, искренно переживая за пацана.

Но король – да здравствует наш король; виват ему, виват! – оказался великодушнее, чем думала вся публика на площади. Он обнял мальчишку, чтобы тот не терялся, и расцеловал его под крики восторженных людей. После, скинув мантию, собственноручно накинул её на худые плечики перепуганного на смерть мальчишки.

– Да здравствует король! – заходилась площадь в невообразимом гуле.

Все помешались от, действительно, королевского поступка и, казалось, звёзды снимутся с места и упадут на землю – прямо под благородные ноги Его

Величества.

А король в свою очередь быстренько наклонился к министру внутренних дел, кивнул в сторону мальчишки и проговорил совершенно спокойно:

– Убейте его.

Из многочисленной свиты короля вышли двое великорослых гвардейцев. Те обступили мальчонку и насколько позволяли приличия, скрутили ему руки и увлекли за собой. Со стороны виделось, как двое мужчин, истинные солдаты короля, составили пареньку замечательную компанию, и сейчас эта превосходная троица, проводя приятную беседу, неспешно удаляется не иначе как в королевские апартаменты, чтобы доставить неожиданному счастливчику громадное удовольствие – королевский ужин и королевскую постель.

– Ах, король, какая ду-шеч-ка-ааа!!!

Гвардейцы оставили площадь, прошагали походным маршем два-три квартала. Оказавшись на окраинной, пустынной улице, расстреляли несчастную жертву и бросили её в канализационный люк.

Тем временем, торжества на площади по случаю Героя подходили к сценическому завершению – народ остался доедать и допивать, а Герой, Его монаршая Светлость и королевская свита отбыли во дворец...

Прошёл уже второй час праздничного ужина, а Герой всё не мог успокоиться. Среди многочисленных важных и блистательных гостей он не мог найти злополучного мальчика. Того нигде не было. Не вынеся своей тревоги, он обратился к королю:

– Ваша Светлость, Вы не скажете где мальчик?

– Какой мальчик?! – спросил король, и на его лице было написано полное неведение.

– Тот самый... которому Вы изволили подарить свою мантию? – спросил Герой.

– Ах, мантию... Вспомнил, вспомнил, мой друг. За «громадьём», как сказал поэт, государственных дел забываешь собственное имя, не только превосходного мальчугана... В моём королевстве более миллиона таких мальчиков, и все они норовят наступить на «любимую мозоль». Они растут, и растёт моя любовь к ним... Но, впрочем, я не об этом... Государственные дела, понимаете ли, – голова болит от них. Давно бы постригся в монахи, но мой народ пропадёт без меня – он мне доверяет и любит более, чем своих родителей. Простите, Герой, сегодня я отдыхаю – имею полное конституционное право!

Король ответил. Как Его Величество не старалось казаться невозмутимым, в голосе всё же прозвучали фальшивые нотки. Они-то и обожгли чувственную тонкую душу Героя.

– Так что же мальчик? – вопрошал Герой.

Король озирает человека, которого так ненавидел – чем больше боялся, тем больше ненавидел, и чем больше ненавидел, тем больше боялся. Три месяца назад Герой спас страну от засухи, а значит, от голода, построив широкий и глубокий канал. Только на особо опасном участке ему оторвало правую ногу. Строителя первым удостоили нововведённым званием Героя. Король же ничего не знал и не умел, кроме того, как бояться и ненавидеть.

– Так что же мальчик? – повторил Герой свой вопрос.

Король, едва сдерживая волнение, посмотрел по сторонам и подозвал к себе Первого министра. Тот мелкими шажками подбежал к нему, подобострастно наклонился и подставил своё большое ухо.

– Что мальчик? – спросил король.

– Его убили, Ваша монаршая Светлость.

– Слава случаю! – успокоился король и повернулся к Герою совершенно другим лицом, весёлым и беззаботным: – Он сейчас спит. Так сказал мне Первый министр.

– Вы позволите, Ваша Светлость? – Герой поднялся и собрался уходить.

– Куда Вы, дорогой? – забеспокоился король.

– Хочу проведать мальчика и пожелать ему доброй ночи, – ответил Герой.

– Вот что, дорогуша, передайте тогда наш монарший привет.

– Хорошо, передам, – холодно поблагодарил Герой и вышел из залы.

Как только Герой покинул пиршество, король посмотрел тому вслед и с кривой усмешкой на устах сказал свою знаменитую фразу:

– Герои нужны государству до тех пор, пока они не вмешиваются в дела государства: уберите его – когда овца начинает вонять, её забивают на мясо.

Из-за стола встали недавние гвардейцы и пошли за Героем. Но не успели они сделать и пяти шагов, как обескураженный Герой ворвался в залу и чуть ли не с порога закричал:

– Король, ты обманул меня! Мальчика нет в спальне. Его вообще там не было – постель не тронута.

Лицо короля передернулось – то ли судорога, то ли нервный тик. Но вскоре монарх пересилил нахлынувшую слабость души и своих членов и ответил металлическим голосом среди наступившей тишины – перестали бряцать тарелки, звенеть бокалы, стучать ножи, вилки и челюсти:

– Герой, мы забыли предупредить тебя – мальчик ушёл гулять в сад нашего монаршего Величества. Вечерний моцион помогает хорошему сну после обильной еды.

Герой недоверчиво посмотрел на короля, тот закивал ему в ответ, и следом за королём закивали все гости, как одна большая припомаженная голова. Героя они не убедили, а только усилили его тревогу. Ни слова не говоря, он стремительно выбежал из залы, можно сказать, скатился по длинной и широкой

парадной лестнице и спустя пять минут сбивался с ног, бегая по саду от дерева к дереву в поисках мальчика. Болела натёртая и сбита кулья, Герой чувствовал, как открылась рана и кровоточит, но не думал о себе и звал мальчика, надеясь, что тот откликнется. Но во всём большом ночном саду было тихо и пустынно.

Только Герой и его усталая тень металась по ночному саду. Только мелкий дождь шептался в густой листве, спрашивая, где мальчик, да потревоженные птицы вспархивали и недовольно щебетали в ответ, что никого не видели...

– Мальчик! Мальчик! Ма... – безуспешно звал Герой полюбившегося мальчишку, как вдруг его озарила страшная догадка, и тут яркий кривой нож молнии холодным железом электрического разряда играючи вспорол обрюзгшую тушу тяжёлого ночного неба, та опала, грянул раскатистый продолжительный гром, и следом вторил ему тихий выстрел, который был не громче хлопка детских ладоней. Герой покачнувшись и с прострелянным лбом упал спиной на землю, широко раскинув руки, будто и по смерти хотел сохранить мир своей родины от возможной беды. Зыбкое дрожащее тело дождя склонилось над трупом, дождь водянистой бурливой рукой оттер проступившую кровь, поцеловал холодный лоб, заплакал и... прекратился.

Вскоре подошли верные солдаты короля, взяли труп за ноги и через весь сад головой по грязи потащили к королевской свиноферме...

...В эту пору король уже отходил ко сну. Когда он ложился и накрывался одеялом из золотистого атласа, дверь слегка приоткрылась, и в спальню въехала радиоуправляемая тележка, на которой обычно подавали королевский ранний завтрак или поздний ужин. Нынче же на большом золотом блюде для фруктов лежала изуродованная голова Героя. Свиньи пожрали нос, губы, уши, мягкие ткани лица и своими грязными короткими ногами выдавили и раздавили глазные яблоки...

Монарх удовлетворённо, с немим восхищением взял за спекшиеся и спутанные волосы ужасную игрушку деспотии. Довольный хмыкнул, когда увидел, что его тень руки на стене приняла какие-то ужасные очертания, словно волосатая когтистая лапа поверженного зверя. Король с непреходящим любопытством и нескрываемым страхом, выворачивающим наизнанку его трусливую натуру, на расстоянии вытянутой руки с опаской разглядывал мёртвую голову первого Героя страны. Даже сейчас мёртвая, объединенная, продавленная и грязная она

внушала королю холодный ужас, который тонкими иглами пронзал всё королевское существо от головы до пят. Наконец, при ярком свете трёх десятков свечей король полностью насладился жутким видом изуродованной головы и сказал с облегчением:

– Когда кумиры падают, их постаменты долго не пустуют. Вопрос только в том: кто следующий?

Сказал своё «золотое слово» и брезгливо, как гнилое червивое яблоко, бросил надоевший трофей в корзину для мусора. Позвонил в серебряный колокольчик с малиновым звоном и приказал вынести голову и тайно сжечь в крематории вместе с обезглавленным трупом, а прах развеять под ноги свиней.

Наутро Его Величество королевским указом распорядилось одну из самых красивых улиц столицы назвать «на веки вечные в назидание потомкам славным именем безвременно почившего Героя». «Национального спасителя и заступника, самого человеческого человека, которого земля королевская досель не рождала и уже, к сожалению, не родит никогда...» – так говорилось в высоком официальном документе. Этим же указом король также учредил скорейшее создание Национального музея чести и мужества, где почётное место будет отведено личным вещам «без срока ушедшего великого сына Отечества».

Вечером того же дня, выступая по государственному телевидению, радио, Интернету и перед многочисленной журналисткой аудиторией, он призвал население страны к национальному согласию и единству всех народов, проживающих на территории королевства, «дабы не посрамить святую память Героя!» Король обратился с воззванием к народу «не злоупотреблять королевским долготерпением и милосердием, найти и покарать виновных в злодеянии». В заключение, за выдающиеся заслуги перед Отечеством он учредил Государственную премию имени Героя и обратился к населению страны, к её национальной гордости и культурному богатству – творческой интеллигенции – призывая создать шедевры искусства национального и глобального значения. Они должны воспитывать достойные поколения, которые будут учиться на прекрасных примерах прошлого. «Памятники, стихи, фильмы и книги, музыка и картины, посвящённые славному Герою, должны воспитывать патриотический дух и трудовое самопожертвование народов, проживающих в нашей стране!»

Вся страна на голубых экранах телевизоров видела одним большим глазом и чувствовала одним глобальным сердцем великую неподдельную скорбь Его Королевского Величества.

Поклонники и поклонницы «самого гуманного короля на свете», которым не было числа, как в стране, так и далеко за её пределами, в каком-то священном восторге обнимали телевизионные приёмники и радиолы и в эйфории, сознавая свою духовную связь с монархом, проливали безутешные слёзы по безвременно почившему Герою...

И вот всё завершилось. Погасли экраны телевизоров, затихли динамики радиоприёмников, разошлись по домам журналисты, вдохновлённые беспримерным гражданским долгом своего монарха, чтобы написать об этом эпические и назидательные статьи.

Тем временем усталый король уже шёл по Скорбной аллее, где покоились лучшие представители государства. Он быстро отыскал свежую могилу. Потом достал, как смешно выразился один поэт, «из широких штанин» походную фляжку с водкой, два граненых стакана и ломтик хлеба. Наполнив стаканы, один он поставил на платиновую табличку с надписью: «Король скорбит!», – накрыл его хлебом, а другой – одним махом, привычным жестом опрокинул в себя. Крякнул с удовольствием, почувствовав, как тепло горячей волной растекается по всему телу и членам: страха больше нет – он не боится! Он сплюнул на портрет Героя, обсыпанный мелкими и крупными бриллиантами, кратко проронил:

– Спасибо, Герой, ты сослужил мне хорошую службу! Хвалю! Меня просто так не возьмёшь на ура и на фуфу!.. Тебя нет, а я остался, чтобы от твоего имени продолжать благие дела на земле...

Завершив свой «скорбный ритуал», он рукавом повседневного кителя смахнул набежавшую от умиления своим Королевским Величеством скупую слезу и с чистой совестью отправился спать. Герой получил вечную память благодарного народа, а государство – гражданское спокойствие одуроченных сограждан.

Король выжил – да здравствует Король! Спокойной ночи, Ваше монаршее Величество!

Вот он лёг и уснул крепким сном ребёнка. А тень на стене, что осталась с прошлой ночи и держала уже не голову, а человеческий череп с пустыми глазницами, стала разбухать и расширяться. Она заняла всю стену, стала сползать на пол и заполнила собой всю королевскую опочивальню. Заняв помещение, тень выдавила окно и, как бродившее кислое дрожжевое тесто из кастрюли, стала сползать на королевский двор, а оттуда грязными потоками устремилась на безмятежно спящий ночной город...

ОДЕРЖИМЫЕ БЕСОМ

Моросил мелкий нудный дождь.

Под дорогим зонтом добротнo одетый человек, сытый жизнью и довольный собой, лениво проходил мимо ярко освещённых витрин магазинов, которые по-хозяйски расположились на главном проспекте этого города. Человек покуривал дорогую сигару, привычно держа под мышкой трость с изумрудным набалдашником, и находил отдохновение в своём одиночестве. Он взглянул на золотые швейцарские часы. Было без трёх минут двенадцать ночи.

Окна жилых этажей были погашены. На улице не было ни души. Только какая-то проститутка дожидалась своего запоздалого клиента. А тот не спешил на randevu. Падшая женщина, эта ночная бабочка, была некрасива собой и несчастна. И по-своему одинока.

«Ударить бы по башке эту ...!» – привычно вспыхнула в мозгу чёрная мысль, но прохожий не испугался мысли своей, не загнал её в глубину своих тайных помыслов, где не было ни света, ни тепла – надеялся, погаснет сама. Устал он расчищать авгиевы конюшни государства.

Но мысль не погасла, а напротив, разрослась во всё пространство черепной коробки. Мысли не было простора, чтобы развернуться в полной мере, и оттого страшно разболелась голова. Нужно было, как можно быстрее вытащить занозу – никто же не увидит, не узнает!

Мужчина поправил бриллиантовую булавку в три карата на чёрной бархатистой бабочке. А эта «ночная бабочка» завершит его героическую эпопею в борьбе за чистоту государственной нравственности.

Человек, подходя к одиноко стоявшей женщине, увидел на её лице приятную чёрную мушку и улыбнулся своим мыслям и восхитительным мгновеньям минувшей страсти. Он, возвращаясь домой после пикантного randevu, уже издали улыбался этой нескладной проститутке и благодарил её за то, что невольно напомнила счастливые мгновения тайной встречи. Уличная женщина, понимая и принимая его благодарность, ответно улыбалась встречному человеку. Хоть этот мужчина, пусть и косвенно, но всё же обратил внимание на неё.

Она кокетливо прихорашивалась и смотрелась в треснувшее зеркальце, тыча в пустую пудреницу засаленным клочком ваты, когда человек поравнялся с ней.

В это мгновение городские часы пробили полночь. Витрины магазинов внезапно погасли, и улица погрузилась во мрак.

«До свиданья, месье, спокойной ночи!» – сказала женщина, приветливо улыбаясь прохожему, и повернулась к нему спиной, чтобы уложить в потрёпанную сумочку своё доморощенное добро и отправиться в грязную ночлежку.

Но она не успела сделать и двух шагов. Проходивший мимо человек неожиданно подскочил к ней, заученно размахнулся и привычно со всей силой ударил жертву по голове своей изящной тростью из слоновой кости. Женщина замертво упала на мокрый тротуар, не издав ни звука. Мужчина вытер об её запачканный кровью дешёвый плащ свою трость, вытер дорогие туфли и брезгливо сплюнул на окровавленное лицо мёртвой проститутки.

Занозу удалили. Голова больше не болела.

Как ни в чём не бывало, одинокий ночной прохожий продолжил свой путь. Довольный собой и счастливым завершением проекта по обузданию дурных человеческих наклонностей, напевая лёгкий мотивчик, презентабельный господин торопился к домашнему очагу. Завтра он отправится в свой банк, самый крупный и успешный в стране, устоявший в эпоху глобального кризиса, и будет вершить судьбы людей и целого мира по чести, совести

и справедливости.

Вскоре он пришёл в собственный особняк, что располагался в самом центре города по соседству с президентским дворцом. Пожал руку швейцару, осведомился о здоровье его дочери и дал ему 10\$ за хорошую службу. И пожурил швейцара, что тот как-то неловко подал руку для приветствия. Если такое повторится, то практиковаться он может в ночлежке.

Войдя в парадную дверь, передал верхнюю одежду и зонтик старому гардеробщику, сказав, что завтра, в субботу, старик может идти к себе домой – навестить свою больную бездетную старуху – и дал на лекарство 20\$. И ещё сказал гардеробщику, что тот должен вернуться в воскресенье, ровно в «22.00». Опоздает на минуту и может считать себя уволенным, без расчёта.

Таким образом, раздав свои распоряжения и милость, сделав необходимые замечания и внушения, с чувством удовлетворения от выполненного долга истинного патриота и гражданина своей страны, пекущегося о благе народа и родного Отечества, он поднялся на второй этаж и прошёлся в свой кабинет. Удобно расположившись в кресле из кожи бегемота, покрытом шкурой крупного экземпляра уссурийского тигра, нажал кнопку вызова.

Двери кабинета тихо отворились, и вошёл слуга – дряхлый старик, с трясущимися руками и головой. В одной руке старик держал золотой поднос с дорогими сигарами и зажигалкой, инкрустированной бриллиантами. В другой руке держал платиновую вешалку с атласным вечерним халатом, на беличьем меху. На вешалке был целлофановый пакет с домашними тапочками, на собачьем меху, как верное средство от простатита.

Старик, подойдя к хозяину, хотел поклониться по старой привычке, но его тело – голова, руки и ноги – вдруг задрожало какой-то нервической дрожью, и пакет с тапочками выпал из его старых и беспомощных рук.

Банкир молчаливо поднялся из своего кресла, подошёл к старику, замахнулся и... Он взял зажигалку и сигару, закурил, и, пуская клубы густого дыма в лицо старика, сказал ему:

«Какой ты не ловкий, старик. Я, как истинный демократ, поступлю вполне демократично – я не стану, старик, бить тебя, но скажу, что ты уволен без

выходного пособия. Ты и я, мы живём в демократическом государстве и одинаково подчиняемся Конституции страны. Ты – нарушил свои обязательства, я – честно выполнил свою миссию, доверенную мне Правительством и Богом».

...Когда старика унесли, банкир снова нажал кнопку вызова. Появились двое его детей, мальчик и девочка – погодки, пятнадцати и шестнадцати лет. На индивидуальных бронзовых подносах они представили родителю свои школьные и домашние дневники, как свидетельство учебной и социальной деятельности. Это было доказательством того, что даже дети самого богатого человека страны не едят дармовой хлеб, а зарабатывают его честным трудом. В школьном дневнике сына было три пятёрки и одна четвёрка, а у дочери – две пятёрки и две четвёрки. Сыну отец передал 30\$ и забрал 10\$ – за одну четвёрку, как пояснил справедливый родитель. Дочери он передал столько, сколько она заслужила, и вернул себе столько, сколько она потеряла. Всё честно и по справедливости.

Из домашних дневников отец узнал, что сын был уличён в курении «травки», а у дочери в портфеле слуги нашли презерватив. Зато девочка вымыла за собой посуду, после завтрака, а мальчик вынес мусорное ведро. И опять мудрый и достойный отец своей страны и семьи поступил по чести и справедливости.

...Когда дети, обрадованные поощрениями и одобрениями отца, ушли в свои комнаты, банкир в третий раз нажал кнопку вызова. На этот раз в кабинет банкира вошла его жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/smetankin_andrey/zhemchuzhina

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)